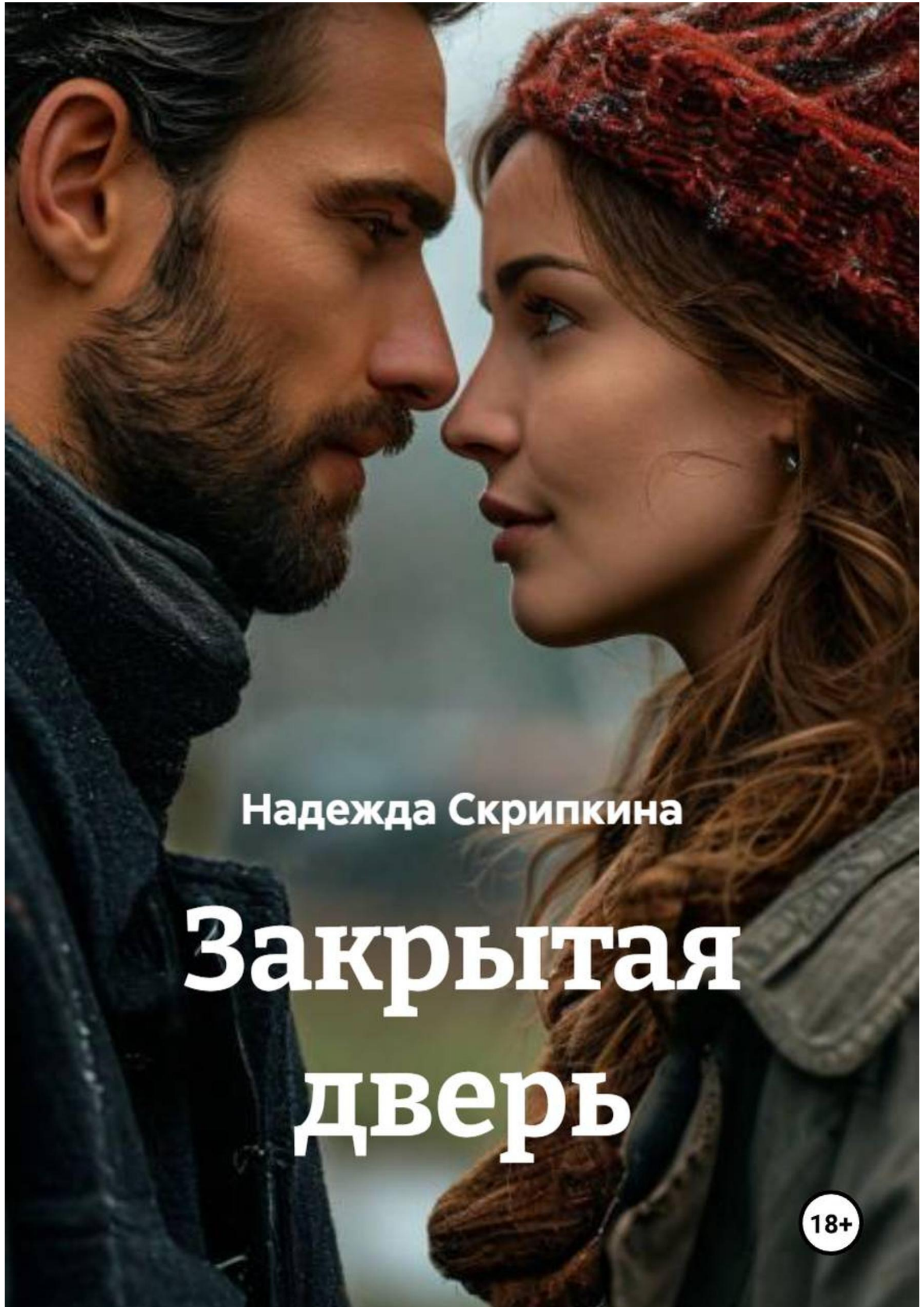

A close-up, intimate shot of a man and a woman. The man, on the left, has a beard and is wearing a dark jacket. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a red knitted hat and a grey jacket. They are both looking at each other with soft expressions, their faces just inches apart.

Надежда Скрипкина

Закрытая дверь

18+

Надежда Скрипкина

Закрытая дверь

«Автор»

2026

Скрипкина Н. В.

Закрытая дверь / Н. В. Скрипкина — «Автор», 2026

Героиня романа, Светлана, находится на грани важного выбора: её долгие и мучительные отношения с Виктором привели к эмоциональному истощению, и, чтобы выбраться из этой ловушки, она решает обратиться к психологу. На фоне борьбы Светланы за гармонию в жизни разворачивается сложная картина, в которой каждая встреча и каждый новый роман обнажают её неуверенность и страх перед настоящими чувствами. Это не просто история о любовных неудачах и поисках, это литературное полотно, в котором действуют не только Светлана и Виктор, но и множество персонажей, представляющих различные аспекты человеческих отношений. Каждый из них, находясь на перекрестке личных амбиций и общественных ожиданий, угодил в капкан предрассудков, что добавляет глубину и многослойность сюжету. Книга заставляет задуматься о том, как порой дверь, которую мы закрываем в себе, может стать той самой дверью, которая откроет путь к настоящей любви и подлинному счастью.

© Скрипкина Н. В., 2026

© Автор, 2026

Надежда Скрипкина

Закрытая дверь

ГЛАВА 1

На экране компьютера мелькнуло приветливое лицо... и, словно в сказке, внезапно исчезло. Я задумалась: «Снова сбой связи?» Глубоко вздохнув, подумала, что, может быть, онлайн-консультация – это плохая идея. На душе стало неуютно, мысль о том, что всё может пойти не так, лишь усиливала мою тревогу. Но вдруг приветливое лицо снова появилось в кадре, и голос её звучал мелодично: «Добрый вечер. Меня зовут Юлия Рыльская, я ваш психолог. Как я могу к вам обращаться?»

Так началось наше знакомство с Юлией. Мои сомнения, как кучевые облака, рассеялись в воздухе, уступив место надежде.

– Меня зовут Светлана. Мне тридцать два года, и я не знаю, что можно назвать настоящей любовью, – выдохнула я, словно сбрасывая тяжелый камень с души.

– А у вас были отношения? – спросила Юлия, и её заинтересованный взгляд казался искренним.

– И были, и есть, – ответила я, всё еще чувствуя некоторую неловкость.

– Расскажите мне о них, – просьба прозвучала, как приглашение в непознанный мир.

– С кого начать? – растерянno спросила я, и в воздухе повисла короткая пауза.

– Давайте с ваших первых отношений. Какие они были? – наконец спросила Юлия.

– Знаете, как-то первые не вспоминаются. Я бы хотела рассказать вам о том, что у меня сейчас, – призналась я, чувствуя, как меня охватывает волнение.

– Рассказывайте! – уверенно кивнула Юлия, и я решилась.

– Вы знаете, в интернете я читала о «токсичных отношениях». Так вот, кажется, у меня все отношения такие... – я вытерла пот со лба носовым платком, ощутив, как меня охватывает лёгкая паника. Руки и губы тряслись, и мне стало не по себе.

– Светлана, не торопитесь как-то это называть. Просто расскажите о них, – мягко успокоила меня Юлия. Её голос внезапно стал для меня якорем, на который можно опереться в бурном море эмоций.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь собраться с мыслями. Этот вечер, хоть и начинался с волнений, открывал новую главу в моём понимании не только себя, но и моей любви.

– Уже почти три года у меня отношения с женатым мужчиной, – сжимая ладони в кулак произнесла я, – и он – мой начальник. Я работаю в фирме, специализирующейся на проектировании общественных, промышленных зданий, офисных и бизнес помещений. Виктор Сергеевич – архитектор, он женат и у него есть ребенок. И ещё, он на двенадцать лет старше меня, – тяжело вздохнула я, словно сбросила с себя груз, который носила всю жизнь.

– А как начинались ваши отношения? Кто был инициатором? – спросила Юлия, её голос звучал мягко, приглашая меня к доверительной беседе.

– Я долго искала работу, подавала резюме в десятки компаний, а тут, наконец, собеседование. Я буквально летела туда, и, ура, меня берут на работу!

– Кто проводил с вами собеседование? – чуть наклонилась к экрану Юлия, настраиваясь на волну моих воспоминаний.

– Нет! Не он, – ответила я, растерянno помотав головой. – Собеседование проводил начальник отдела кадров.

– Тогда рассказывайте, как вы познакомились с Виктором. Будем так его называть, без отчества, – настояла Юлия, предоставив мне пространство для рассказа.

– Это произошло в день защиты моего первого проекта. К тому времени я проработала в фирме уже два месяца, но ни разу не видела директора. Я лишь слышала о нем от коллег и видела его фотографию на доске почета. Он не заходил к нам в отдел, все указания мы получали через непосредственного начальника – Любовь Петровну.

От волнения я сделала глоток воды, и продолжила:

– В тот день встала на час раньше, хотела быть уверенной, что всё успею. Я собиралась на работу так быстро, что даже не заметила, как пролетело время. За тридцать пять минут до начала я уже была на рабочем месте. Защита первого проекта – это вам не шутка, особенно когда выступаешь одна за весь отдел. Я готовилась основательно. Сердце билось в груди от одной мысли о том, что во время презентации все будут смотреть на меня.

Юля заметила, как Светлана замерла, и в её глазах отразились эмоции, которые, наверное, она испытывала в тот момент. Это было как объявление войны, где на кону стояло всё: и её профессиональное достоинство, и её личные качества.

– Как же вы себя чувствовали, когда он появился? – заинтересованно спросила Юлия, понимая, что Светлана всё больше погружается в свои воспоминания.

– Честно? Я чувствовала, будто весь мир вокруг затих, и остались лишь он и я. Его взгляд был таким... внимательным, что я еле сдержалась, чтобы не запнуться. Это было странное чувство – одновременно восхищение и страх.

Юлия слушала с затаённым дыханием, потому что такая история, история о любви, скрытой от всех – это всегда цепляло за живое, и я была на грани откровения.

– Оставалось всего двадцать минут до начала встречи, и меня вдруг охватила легкая тревога, – продолжила я, – Решила убедиться, что все готово: загрузили ли на рабочий ноутбук все презентации проекта, проветрили ли помещение. Конечно, есть люди, которые занимаются этим, но мне на месте не сиделось.

Я быстро шагнула по коридору в сторону конференц-зала, потихоньку настраиваясь на предстоящую защиту. Волосы были аккуратно собраны, легкий макияж придавал лицу свежести, а деловой стиль в виде белой блузки, подчеркивающей фигуру, вселял уверенность. Черная обтягивающая юбка до середины колена и высокий каблук придавали осанке достоинства и грации.

Когда я подошла к конференц-залу, дверь была немного приоткрыта. Я, решительно распахнув её, сделала уверенный шаг вперед и, неожиданно, врезалась в мужчину в черном деловом костюме, высокого роста. От него исходил тонкий, но стойкий аромат дорогого парфюма, который мгновенно окутал меня.

– Ой, извините! – вырвалось у меня, мгновенно. Я быстро подняла голову и с удивлением уставилась на него. «Это же наш директор!». Моя мысль метнулась по кругу, как заяц, удирающий от волка.

– Простите ещё раз, – запинаясь проговорила я, – я просто хотела убедиться, что всё готово к презентации. Выступаю от нашего отдела.

– Это похвально, что вы так заботитесь о деловой репутации компании, – произнес он бархатным голосом.

– Да, безусловно... – тихо ответила я, чувствуя, как у меня замирает сердце.

– Я вам не буду мешать, – добавил он, делая шаг в сторону, чтобы освободить мне путь, – Прошу, – указал он рукой вперед, как будто приглашая меня в этот мир. Я почувствовала себя как участница величественного балета, где каждый жест и взгляд важен. – Мы с вами обсудим все детали чуть позже, – мягко добавил он, словно выводя в свет звезду, которую все должны оценить.

В его манере было что-то необычное, и я в тот момент подумала, как же он тактичен. Улыбка на моих губах распустилась, а затем я рванула проверять презентации, внезапно осознав, что моё волнение улетучилось. Вместо этого появилась уверенность, словно он придал

мне сил. Сохраняя моменты нашей первой встречи, я поспешила вернуться к своим задачам, уже искренне надеясь, что всё с выступлением у меня получится...

Я рассказывала так, словно боялась, что меня остановят, и я не успею сказать самое главное. Улыбка не сходила с моего лица. Юлия отметила для себя моё ироничное повествование и подумала: «А у этой девушки всё в порядке с чувством юмора».

– Но самое интересное, скажу я Вам – это то, что произошло на следующий день после защиты проекта! Директор впервые заглянул в наш отдел. Я не могла поверить своим глазам, когда он, уверенно переступив порог, произнес:

– Доброе утро, коллеги! Хочу поблагодарить вас за отличную работу. Проект оказался действительно впечатляющим.

Чувствуя, как гордость переполняет меня, я заметила, как директор обводит взглядом весь коллектив, а затем, приближаясь ко мне, добавляет:

– А у вас, Светлана, большое будущее в нашей компании... если и дальше вы будете так работать.

На последних словах его взгляд задержался на мне, и, казалось, он оценивал не только мой интеллект, но и фигуру. Внутри меня всё сжалось от волнения, мне показалось, что я слегка покраснела.

«Все мужчины одинаковы», – мелькнула у меня мысль после его взгляда. Но вслух я произнесла:

– Спасибо! Я высоко ценю вашу поддержку.

На следующий день, когда я, как всегда, работала в отделе за своим столом, внезапно подошла ко мне моя начальница – Любовь Петровна, и объявила, что меня ждут в кабинете директора.

Сердце забилося быстрее, когда я вошла в его кабинет. Он держал в руках папку с документами и, увидев меня, отложил ее в сторону.

– Этот проект очень ценен для компании, и мне хотелось бы погрузиться в его детали, – начал он, слегка прищурившись. – Времени, как всегда, не хватает, поэтому мне было бы интересно обсудить его за обедом. Как вы на это смотрите?

– Как вам удобнее, – ответила я, пытаясь скрыть волнение, которое накрывало меня с каждым его словом.

– Замечательно! – обрадовался он, и его лицо осветила улыбка. – Водитель вам позвонит, когда будет время выезжать. До встречи.

Пока я шла от кабинета до своего отдела, в голове вихрем крутились мысли. «Что это значит? Я ему понравилась? Нет... он был очень серьезен. Хотя...» Я вспомнила, как он постоянно касался своего лица во время разговора. «Да... я ему нравлюсь!»

– И встреча состоялась? – прервала меня Юлия, которая ждала, когда я доберусь до финиша.

– Да. Водитель позвонил и довез меня до ресторана, где уже ожидал Виктор, – подтвердила я и увидела, как Юлия потянулась к экрану, готовая слушать.

– Расскажите о вашем разговоре подробнее, – попросила она, искренне заинтригованная.

Я кивнула и, углубившись в воспоминания, начала рассказывать о том, как проходило наше обсуждение. В то время как звуки ресторана и разговоры посетителей сливались в единое целое, я ощущала, как канва нашей встречи выливалась в нечто большее, чем просто деловую беседу...

– Я бы хотел узнать вас поближе, – начал он разговор, его голос звучал уверенно и привлекательно. – Вы мне показались страстной во время защиты проекта. Видно, что вы горите делом!

Я приподняла брови, настороженно изучая его лицо.

– Таким людям нужно помогать. Как вы смотрите на то, чтобы возглавить отдел? – уверенно спросил он.

– А как же Любовь Петровна? – задала я вопрос, пытаясь скрыть растерянность.

– Не беспокойтесь, с ней все будет в порядке. Она возглавит отдел в нашем новом офисе, – произнес он, старательно и мягко подбирая слова, будто успокаивая ребенка.

Неожиданно его рука легла на мои пальцы, и это мгновение стало неотъемлемой частью разговора.

– Вы очень трогательны, – продолжил Виктор, его тепло словно окутало меня, прикосновение заставило сердце колотиться. Моё дыхание стало более глубоким, как будто время на мгновение остановилось.

– Мне нравятся трогательные девушки, – произнес он, полностью накрыв мою ладонь своей. В этот момент весь мир вокруг исчез, осталась лишь его милая улыбка и тепло рук.

– Все! Решено! Завтра подписываем приказ о вашем руководстве отделом, – сообщил он, вставая из-за стола с таким энтузиазмом, что я не знала, как реагировать.

– Простите. Мне пора идти. А вы можете оставшуюся часть рабочего дня отдохнуть, – добавил он, и на его губах заиграла легкая улыбка. – Я вас отпускаю домой. До завтра!

Он ушел, а я осталась сидеть, обдумывая, что только что произошло. Внутри меня зародилось новое чувство, и я наконец-то смогла подобрать определение к состоянию, которое испытывала в конце нашего совместного обеда. Это было влечение. Да, я испытывала к нему влечение!

– И как дальше развивались ваши отношения? – перебила меня Юлия, ее глаза сияли любопытством.

– Ну, отношений то как таковых еще не было, – ответила я с теплой улыбкой, вспоминая те мгновения. – На следующий день я расписалась в приказе, и с начала месяца приступила к новым обязанностям начальника отдела. Весь день у меня в голове крутились мысли о нашем разговоре, и я понимала: это только начало чего-то особенного...

Примерно через две недели после нашего обеда, во вторник, вначале рабочего дня, он позвонил мне. Звонок был неожиданным и от этого ещё более тревожным.

– Расскажите о разговоре подробнее, пожалуйста, – настойчиво попросила Юлия, и её интерес ещё больше подогревал моё волнение.

– Светлана Андреевна, зайдите сегодня ко мне после обеда, – услышала я знакомый голос Виктора.

– Хорошо, Виктор Сергеевич, – ответила я, вешая трубку служебного телефона. Внутри меня возникло смутное беспокойство. Зачем он меня вызывает? Неужели собирается уволить? Но тут же саму себя переубедила: а чего это сразу уволить!

В голове крутились разные мысли: может, он хочет обсудить новый проект, который мне поручили? Я мучилась ожиданием до самого обеда. Когда пришло время поесть, я просто не могла заставить себя сосредоточиться – еле-еле втолкала в себя тарелку супа.

Наконец, я оказалась в кабинете начальника. Виктор Сергеевич выглядел взволнованным и тербил левой рукой правую. Это нервное движение лишь подогревало моё беспокойство.

– В Краснодаре, в конце этой недели, будет симпозиум, посвященный новинкам в строительстве и дизайне. Вы едете со мной. Вся организаторская часть ложится на меня. Ваша задача – собраться и завтра в двенадцать быть готовой, за вами заедет машина. Возьмите с собой документы. Мы едем на два дня.

Я вышла из кабинета, а сердце стучало так, что, казалось, отдавалось в каждой клеточке моего тела. «Почему он выбрал именно меня? Почему?»

Юлия, посмотрев на часы, прервала мои размышления:

– О, простите, Светлана, но ваше время подошло к концу. Вам нужна следующая консультация?

– Да, очень! – воскликнула я, стараясь скрыть своё внутреннее волнение.

– Тогда во вторник в 20:00, ссылка та же, – несколько устало произнесла Юлия.

– Отлично! Спасибо вам, – поблагодарила я, и улыбнулась в экран компьютера, полная свежих надежд и ожиданий.

– Да, и вам к следующей консультации небольшое задание: проанализировать ваши отношения с мужчинами и ответить себе, кого из них вы любили и кто, на ваш взгляд, любил вас. До встречи! – и Юлия пропала с экрана ноутбука. А я еще некоторое время смотрела в пустое окно монитора. Вроде ничего особенного не произошло, а как-то легче стало на душе.

Наступило следующее утро. Ослепительный луч солнца, пробивавшийся сквозь занавески, нежно коснулся моего лица и разбудил от сладких грез. Вдохнув весенний воздух, я ощутила, как в голове эхом раздалось: «выходной, выходной, выходной». Это звучало как настоящая симфония свободы, и, не раздумывая, я вскочила с постели.

Я стремительно направилась в ванную, но не успела сделать и нескольких шагов, как мой пушистый спутник, кот, уже терся о мои ноги, настойчиво мурлыча. Его глаза светились любопытством: он явно просил то ли внимания, то ли еды, а может быть, и того, и другого. Я наклонилась, погладила его мягкую шерсть, и, словно друзья, мы вместе зашагали на кухню.

Я приучила себя плотно завтракать и сегодня мой выбор пал на овсяную кашу, к которой я добавила щепотку ягод и ложечку меда. Насытившись, я наслаждалась ароматным, сваренным в турке кофе, который будто щекотал мои вкусовые рецепторы.

Решив немного развлечься, щелкнула по каналам и случайно наткнулась на передачу о похудении. Методично просматривая каждую минуту, удивилась, узнав, что молоко и молочные продукты могут помочь снизить вес, выводя жиры из организма. «Надо же», – подумала я, допивая кофе и пытаясь понять, как же я раньше не знала об этом. Параллельно в голове возникло другое: «Ах, задание, которое мне дала Юлия». Неожиданно вспомнила о своем обещании. «Ну что ж, пора начинать», – решила я и подошла к столу.

Достала свой дневник, который помнил меня с самой юности. Открыла страницу, испещренную старыми записями, и, взяв в руки ручку, написала в центре листа: «Коля – мой одноклассник и моя первая школьная любовь». В этот момент тепло воспоминаний окутало меня, и я почувствовала, как сердце затрепетало, напоминаям о тех беззаботных днях, полных наивности и надежд. Спокойно усевшись за стол, я погрузилась в размышления, вспоминая каждую мелочь, его улыбку, каждую волнительную встречу, и понимала: это всего лишь начало пути, который я собиралась заново пройти, шаг за шагом освежая память о своих первых отношениях.

Школьные годы чудесные, говорят? Возможно. Но когда я сама училась в школе, эти слова казались далекими, будто бы из сказки. Частенько я вставала утром с нежеланием идти на занятия, открытая форточка стеклянного окна позволяла мне мечтательно высунуть голову на улицу, где в снежные зимние дни блестел холодный, как лед, воздух. В такие моменты я надеялась, что, глотнув эту морозную свежесть, заболит горло, и мама вызовет врача. Врач, в свою очередь, выпишет справку, и я, как по волшебству, окажусь на свободе от этих угнетающих школьных стен. «Ура!» – восторг переполнял меня, словно я только что выиграла в лотерею.

В то же время не все предметы доставляли мне радость. Некоторые из них были настоящим испытанием, и не только потому, что они мне давались с трудом. Отчасти причина заключалась в том, как их преподавали. Каждый учитель был для меня отдельным миром, и не каждый из этих миров мне нравился. Но мама всегда твердила мне, что без учебы – никуда, что грамотный человек всегда найдет свое место в жизни. Я слушала ее, старалась преодолевать трудности, впитывая знания, как губка.

В итоге, стоя на пороге выпускного, я могла гордиться: аттестат, сверкающий «хорошими» и «отличными» оценками, словно символизировал труд моих лет. Мама в ту минуту светилась от счастья, не уставала рассказывать всем знакомым, что ее дочь окончила школу,

и, что главное, без единой тройки. Эти награды были ее гордостью, а для меня – мечтой, реализовавшейся на глазах.

Начальная школа осталась в моих воспоминаниях как неясный калейдоскоп образов, рассеянный по страницам жизни. Учителя менялись, и только третья учительница, с трепетом и слезами на глазах, вывела нас в четвертый класс. Слезы, как я теперь понимаю, были вызваны не только заботой о нас, но еще и нашей непослушной натурой. Мы, как маленькие нотки в музыкальном произведении, сползли к хаотичному «разболтанному» щебету, истощая терпение учителя и стуча по всем дисциплинарным граням. С каждой неделей становилось все сложнее сохранить порядок в классе, и я всё чаще вспоминала, как трудно было удерживать внимание в этом галдящем мире, когда учитель чувствовал себя капитаном затонувшего корабля, а весь класс – его неуправляемые матросы.

В один из обычных учебных дней, когда раннее солнце обрамляло класс легкой дымкой утреннего света, произошел случай, который оставил в моей памяти яркий след. Мой одноклассник, неудачно шутя, без предупреждения стукнул меня портфелем по голове. Удар пришелся прямо на место крепления заколки, и в тот миг я почувствовала, как теплая струйка крови окутывает мою шею, пока голова кружилась, и мир вокруг начинал размазываться в тумане. Вскоре я потеряла сознание и очнулась уже в спокойной обстановке кабинета врача, где запах антисептика смешивался с тревожным шепотом взрослых.

Словно гром среди ясного неба, слова моей мамы нарушили тишину, когда после встречи с учителем она вошла в кабинет врача с отчаянием на лице. «Это, дочь, он тебя любя стукнул!» – воскликнула она с негодованием, как будто пыталась превратить грустный инцидент в забавную историю. Ну вот, так я впервые узнала, что нравлюсь одному мальчику. Немного странно, не так ли? Любовь, начинается с удара...

Однако гораздо более яркими остаются воспоминания о моих приключениях в старших классах. Изнурительная борьба с алгеброй и геометрией становилась настоящим испытанием. Я порой ощущала себя как шахматная фигура на доске: двигаюсь, но в любую секунду могу оказаться в ловушке. Но с каждой неудачей приходила решимость: я часами сидела за домашним заданием, погружаясь в мир формул и теорем, как исследователь, стремящийся разгадать таинственные секреты вселенной. И постепенно, подобно пробуждению солнца после долгой ночи, эти науки начали поддаваться мне. Страх перед вызовом к доске стал утихать, а волнение уступило место уверенности.

Секрет такой настойчивости заключался в моем учителе – Николае Васильевиче. Его поддержка оказывала на меня магическое воздействие. Каждый раз, когда он, с уважением в голосе, называл меня «труженицей», во мне загорался огонь желания. Я хотела не только подтверждать его похвалу, но и вдохновляться ею, стремясь к новым вершинам. Спустя годы я понимаю, какую невероятную силу имеет поддержка учителя. Это была не просто мотивация; это были крылья, которые помогали мне преодолевать любые преграды.

Пожалуй, за все годы учебы в школе уроки не всегда были источником вдохновения. Были и такие учителя, которые порой подрывали нашу уверенность, унижая нас своими резкими высказываниями. В такие моменты в голове звучала одна простая фраза: «Забей!» Она избавляла от тяжести, словно бальзам на душу. Этот прием я освоила еще в детстве, когда, семилетняя, столкнулась с первой травлей.

Тогда всё началось с того, что старший дворовый мальчишка подставил мне подножку, и я со всего размаху упала в грязь. Я помню, как он засмеялся, и это было так унижительно. В панике я убежала и спряталась в нашем старом дровянике – невысоком строении с деревянными стенами, наполненном инструментами и сухими поленьями. Это было моё укрытие, где мир вокруг чуть замедлял свой бег. Я села на корточки, мое выцветшее ситцевое платье сильно испачкалось, а слезы и грязь смешались на моем лице.

В руке у меня оказалась старая деревяшка, и в тот момент, когда я стала с силой вбивать в нее гвоздь, словно вымещая свою обиду, я почувствовала, как гнев уходит вместе с каждым ударом. Когда шляпка гвоздя, наконец сравнялась с поверхностью деревяшки, я отложила молоток и ощутила невероятное облегчение. В ту же минуту, без всяких размышлений о том, что я что-то поняла, мне стало ясно, что старший мальчишка уже не имеет власти надо мной. Обида, от которой я так страдала, словно растворилась в воздухе. Я встала и побежала домой умываться, оставляя за спиной ту бесполезную злость.

Этот самый простой способ справляться с обидами стал верным спутником в моем взрослом мире. Со временем я поняла, что тот момент в дровянике стал не только уроком, но и основополагающим принципом: «Забей, девочка, и иди дальше!» Я применяла этот подход не раз, когда жизнь подкидывала свои тяжелые испытания, даже когда у меня не было под рукой ни деревяшки, ни гвоздя, ни дровяника. Но этот принцип работал безотказно, как надежное средство для защиты от грызущего негатива.

И вот, размышляя о том, как я перешла от детских обид к своим школьным годам, я вдруг поняла, что снова отклонилась от темы отношений. Они, безусловно, оставляют свои следы – как положительные, так и отрицательные, но именно этот принятый мной на заре осознания жизни подход помогал преодолевать преграды, сбрасывая лишний груз.

И вот она пришла – первая любовь! В тот одновременно тревожный и радостный миг внутри меня бушевало море эмоций, и мне казалось, что ничто не сможет успокоить этот хоровод чувств. Приходя из школы, как только дверь комнаты закрывалась за мной, я включала музыку, наполняя пространство звуками, которые отражали все переживания: «Судьба нас в неравном свела поединке, который зовётся несчастной любовью. Глаза у тебя – равнодушные льдинки, а я задыхаюсь от счастья и боли...»

Мне хотелось кричать от восторга и одновременно замереть в ностальгической печали. Я мечтала увидеть его прямо здесь, в своей комнате, но в то же время хотелось исчезнуть, убежать в далекие края, где не будет ни его, ни этого сумасшедшего чувства. Это была первая любовь – такая наивная, такая незабываемая.

И вдруг выяснилось, что, Коля тоже испытывает ко мне симпатию. Это признание случилось как-то неожиданно. Он, несмелый и неуверенный, написал на ластике наши инициалы, и, словно обрывая неловкость момента, скрепил их знаком плюс, а затем добавил «Л», чем придал всему этому особую значимость. Прижав раскрашенный ластик к листу моей тетради, он как будто утверждал, что наше чувство – это не просто игра. Наивные жесты советской юности, наполненные чистотой, были запечатлены в том ластике, а для современных детей это, возможно, покажется нелепым. Они, спешащие вырасти и взять на себя груз взрослых проблем, вряд ли смогут понять ту искренность и трепет, под которыми зреет первая любовь.

Тогда это была скорее платоническая любовь, очень невинная. Он старался защитить меня, заслоняя своим телом на уроке физкультуры, вообще стараясь сделать все, чтобы я была в безопасности. Он накидывал свою куртку на мое пальто в раздевалке, словно готовясь сражаться за меня всерьез. В столовой он занимал для меня место, как будто твердо знал, что никто, кроме него, не имеет права на это. Он делал всё, чтобы помочь мне: давал списывать «домашку» по физике, а я, в свою очередь, «отплачивала» ему, делая его задания по немецкому языку.

Коля как будто даже не осознавал, как его забота была бесценна, но, несмотря на все старания, наши пути в конечном итоге разошлись. Мы были слишком разными, и это понимание обрушилось на меня как холодная волна, оставляя глубокий след в сердце. Первой любви не суждено было быть вечной, но память о ней навсегда останется в моей душе. Коля происходил из семьи интеллигенции – окруженный стабильностью, с книгами и знаниями, словно драгмателлами, в то время как я была с корнями рабочего класса, сформировавшими мой характер и взгляд на жизнь. Позже, спустя долгие годы, одна из одноклассниц шепнула мне на ухо, что

именно его мама встала на пути нашей юной любви, запретив ему общаться со мной. Этот факт лишь подтвердил, что он, как и многие мальчики своего возраста, был послушен традициям, навязанным родителями. Но, несмотря на это, воспоминания о том времени – о нашем улыбочивом невинном задоре – остались для меня яркими и волшебными, как солнечный свет, пробивающийся сквозь листву.

Евгений, которого все окрестили «Жекой», вошел в мою жизнь в день, когда я, как никогда, была полна надежд и страха, – в день поступления в институт. Волнение сжимало меня, как змея, обвивающая вокруг шеи, и вот настала кульминация. Когда голос преподавателя прозвучал, словно угроза: «Заканчиваем, осталось десять минут до конца экзамена», – мир вокруг поменялся под тяжестью его слов.

Моя рука инстинктивно потянулась к листу, желая продолжать, но внутри меня царила пустота. Никакие мысли не приходили в голову, словно они разбежались, оставив меня одну с собственным страхом. Взглянув на свой лист, я заметила, что он был заполнен лишь на две трети, и с облегчением выдохнула: «Хотя бы три задания из пяти сделаны», – произнесла я в тишине, глядя на свою работу, как ни на что не похожий доблестный труд, который все равно не давал гарантии успеха.

Преподаватель, оставляя нас наедине с нашими переживаниями, произнес: «Ставим точку и сдаем работы. Можно отдыхать». С этими словами я выскочила из аудитории, и меня, как наводнение, накрыл голод. Утреннее волнение взяло верх, не оставив времени на завтрак, и теперь во мне зияла пустота, которую могла заполнить лишь светлая мысль о предстоящем обеде.

Внезапно меня охватило головокружение. Я инстинктивно облокотилась на холодную стену, стараясь восстановить равновесие. В этот момент до моего слуха донёсся участливый голос.

– Эй, ты чего? – прервал моё состояние молодой человек, неожиданно возникший рядом. Он приблизился и осторожно тронул меня за плечо.

Я с усилием перевела на него взгляд, пытаясь собраться с мыслями, но язык словно прилип к небу, не смогла произнести ни слова.

– Пойдем, сядем на ту скамейку, – настойчиво предложил он, крепко взяв меня под руку. Он вывел меня на свежий воздух, где холодный ветер дул в лицо, освежая сознание.

Спустя несколько минут я почувствовала, как головокружение начинает утихать. Внезапно, не спрашивая даже, как его зовут, я произнесла:

– Хочу есть.

– Я провожу, – сказал парень, его голос был полон уверенности.

– Я сама, – слабо возразила я.

– Мне все равно по пути, я в библиотеку, – парировал он с улыбкой, и, в какой-то мере, эта простая фраза успокоила меня. Я не стала больше противоречить, и мы направились к столовой.

– Это здесь, – произнёс он, стоя у дверей с доброй улыбкой на лице.

– Пока, – с лёгким смущением ответила я.

Только в столовой, когда оказалась в очереди среди таких же голодных абитуриентов, я почувствовала неловкость, осознав, что даже имени у него не спросила. Я доела суп, довольная его приятным вкусом, и, отодвигая тарелку к краю стола, заметила этого парня снова. Он сидел напротив, по другую сторону зала, наслаждаясь компотом, к которому прилагалась аппетитная булочка. Его внимание было сосредоточено на книге, но каждый раз, когда он переворачивал страницу, наши взгляды пересекались в этом таинственном танце.

Я нервно почесала нос, и, к своему удивлению, заметила, что он делает то же самое. Моя рука инстинктивно потянулась к губам, чтобы вытереть их салфеткой, и я снова поймала его взгляд – он повторил этот жест.

– Что это такое? – подумала я, пытаюсь осмыслить происходящее. – Это что, зеркальное отражение?

Волнение смешалось с интересом, создавая в душе легкий трепет. Мы словно оказались в игре, где лишь взгляды становились инструментами общения. На фоне светлого зала, наполненного шумом разговоров и запахом свежеприготовленной еды, его присутствие вдруг сделало весь мир ярче, а это невидимое взаимодействие бодрило и придавало таинственности происходящему.

– Эй, как тебя зовут? – крикнула я, пытаюсь перекрыть шум студенческой столовой.

– Евгений, – ответил он с искренней улыбкой, которая моментально растопила все мои сомнения.

Я махнула рукой, приглашая его присоединиться ко мне за столиком, уставленным компотом, двумя булочками, книгами и тетрадями, полными заметок.

– Светлана, – представилась я, стараясь скрыть волнение, которое вдруг охватило меня.

Мы начали разговор об экзамене; я делилась своими переживаниями, боясь, что не успела выполнить все задания. Он терпеливо слушал, утешая меня словами, словно обнимая невидимой поддержкой. Его спокойствие вселяло надежду, и постепенно я начала верить, что всё действительно обойдётся.

Как только мы вышли из института и сделали несколько шагов к остановке, на нас обрушился дождь – сильный и стремительный, точно выплеснутый из ведра. И хотя мы быстро спрятались в подъезде старого, обветшалого здания, уже успели промокнуть.

Сквозь грязное окно подъезда пробивался едва заметный уличный свет, создавая атмосферу некой таинственности и уюта. Евгений остановился в шаге от меня.

– Ты не замерзла? – спросил он, и его горячие ладони, сжимая мои, принесли с собой тепло, которое охватило всё мое тело. Я ненадолго замялась, прежде чем ответить:

– Есть немного, – призналась я.

Он крепко сжал мои руки, и в тот миг я почувствовала, как меня охватывает волнение. Его прикосновение шокировало, произвело метаморфозу внутри меня. Неожиданно он притянул меня ближе, обняв и прикоснувшись своими губами к моей шее и щекам. Эти губы были нежными и жадными, как будто они ценили каждое мгновение, и в моем сердце разгорелась искра, о существовании которой я даже не догадывалась до этого момента.

Несмотря на свою молодость, он виртуозно целовался, его уверенные движения и естественный, слегка солоноватый запах тела, усилившийся от влажной одежды, были опьяняющими. Я ощутила, что наш интерес друг к другу был не просто мимолётным увлечением, а нечто большим, чем я могла себе представить.

Поставив точку в дневнике, я откинулась в кресле, пытаюсь понять, что сейчас происходит. Любила ли я их? Я никогда не произносила вслух эти слова – «Я люблю тебя». Возможно, именно в этом и заключается моя настоящая драма...

Кольке я писала стихи, такие наивные и детские. Конечно, я не делилась ими с ним... это было бы слишком. Но он мне нравился. Слово «люблю» он никогда не произносил, но его чувства явно проявлялись в том, что он оставлял сокращённые записи о своей любви на всех моих школьных принадлежностях. Целовались мы с ним всего три раза, и каждый из этих моментов был запечатлён в моей памяти, как драгоценные камни, сверкающие в темноте.

Первый поцелуй произошёл совершенно случайно, а может, и нет – ведь порой случайности заставляют нас трепетать. Я спускалась по школьной лестнице, когда кто-то толкнул меня в спину, и я, потеряв равновесие, оказалась в его объятиях. Он поймал меня за руки и, недолго думая, коснулся губами моих губ. В тот миг время словно остановилось. Мы оба, как испуганные мартовские коты, покраснели и, смущенно переглянувшись, разбежались в разные стороны. На уроке я сидела с дико красными щеками, украдкой ловя его взгляды. В такие

моменты мир кажется окутанным тайной, и я не могла даже представить, чем всё это может закончиться.

Второй поцелуй был полон неожиданностей. На уроке физкультуры в меня попал баскетбольный мяч, а щека залилась огнем от боли. Я не удержалась, заплакала и бегом в раздевалку. Он нашёл меня там, с искренней тревогой на лице. «Мне очень жаль, что я не был рядом, чтобы защитить тебя», – его голос звучал, как успокаивающая мелодия. С нежностью он утирал платком мои слёзы и спросил: «Больно?» Я расплакалась ещё сильнее, а он, смягчив мой душевный порыв, поцеловал меня сначала в больную щеку, а затем и в губы. Этот поцелуй длился дольше, чем первый, но солёный вкус моих слёз мешал мне оценить всю сладость момента.

Третий раз мы целовались на выпускном. Я была в светло-сером платье, усыпанном мелкими блестками, словно звёздное небо, отражающееся в воде, на ногах – белые туфельки, которые добавляли изящества каждому шагу. Мои длинные белокурые волосы кокетливо вились по плечам, будто облака в таинственном закате. Я ощущала себя великолепно, словно героиня волшебной сказки. В тот момент мне казалось, что мир вокруг исчез, остались только мы двое. В каждом мгновении нашей любви был скрыт целый космос, полный надежд и невысказанных слов. Мы были молоды, и нечто в нас полыхало, как пламя, не поддающееся объяснению.

Весь вечер он не отходил от меня ни на шаг, и я заметила, как его глаза искренне светились обидой, когда в построении на общее фото он не успел занять место рядом. Это мгновение оставило в моем сердце легкую грусть, сейчас бы я с удовольствием любовалась на его фотографию рядом со мной. Но в молодости всё кажется каким-то бесконечным, и мы не ценим многие моменты, которые дарит нам жизнь... а потом сожалеем.

Наш вечер продолжился катанием на катере, и, когда мы вышли в спокойные воды реки, окружающий мир словно затих. Лунный свет окутывал нас, создавая романтическую атмосферу, а мерцающие огни на берегу переливались, отражаясь в тихой глади воды. Ночная прохлада обняла нас, и он, сняв пиджак, грациозно набросил его на мои плечи. Это движение было наполнено заботой и нежностью, и в тот момент я чувствовала себя защищенной от всего на свете.

Наклонив голову, он нежно коснулся моих губ, и это прикосновение, как электрический разряд, прокатилось по моему телу. Затем его поцелуй становился все более страстным, все более требовательным, и вскоре мы слились в объятиях, словно две половинки одного целого. Я вспомнила о времени, о том, что всё это может закончиться, но желание растворило все тревоги. В тот вечер мы целовались долго и страстно, а наутро, не в силах забыть те мгновения, мои губы вспоминали поцелуй, нежно постанывая при каждом движении.

Да, мы действительно с Колей любили друг друга, но эта любовь оказалась обремененной множеством обязанностей и ожиданий. Аргументы родителей, как каменные преграды, стояли на нашем пути, и где-то в глубине души я понимала, что, возможно, эта любовь еще не достигла той зрелости, чтобы послушаться их, не задумываясь о последствиях. Мы плавно переходили от лирического восторга к грустной реальности, осознавая, что иногда даже самые яркие чувства требуют времени, чтобы окрепнуть.

ГЛАВА 2

Я взглянула на часы – уже пятнадцать минут четвертого. Надо собираться, ведь сегодня же «наше время» и оно скоро наступит. «Наше время» означало свидание с Виктором, когда под видом дел на даче или визита к престарелой матери, он встречался со мной.

Я побежала собираться и уже через полчаса была готова к выходу. Мы договорились встретиться в парке в четыре часа.

Часы пробили шесть. Я стояла у фонтана, не в силах успокоить тревожные мысли. Вчера Виктор говорил о неурядицах с загородным домом. Строители натворили дел, и он, возможно,

задержался, решая возникшие проблемы. Но почему он молчит? Да, мы ведь условились, что не будем беспокоить друг друга лишними звонками. У него семья. Зачем давать повод для подозрений?

«Да, у него семья», – эта мысль ударила, как холодный душ, словно до этого момента я не осознавала всего ужаса ситуации.

«А если он сейчас с женой?» – от этой мысли мое сердце забилося быстрее, будто от напряжения. Я стала нервничать, рисуя в воображении картину: он с ней, обнимает, целует... Мое воображение разогрелось, как самовар, и температура кипения стремительно нарастала. Она обладает им, он любит ее – не меня, а именно ее. Аааааа!

«Ненавижу его!» – мелькнула мысль, и тут же: «Как же ей повезло. Почему именно ей, а не мне?»

Эти противоречивые чувства – ненависть и зависть – сплелись в неразрывный клубок внутри меня. Я ощущала, как они растут, разрывая душу на части, и в этот момент мир наполнился предчувствием хаоса, который ждал меня впереди.

– Нет, он ведь помнит, что это наше время, только мы вдвоем, и больше никого. Да, он обязательно помнит, просто что-то его задержало. Он придет совсем скоро, скоро, – убеждала я себя, стараясь прогнать навязчивые сомнения.

От прогулки вокруг фонтана обувь на каблуке изрядно измучила ноги.

Я подошла к скамейке и рухнула на нее всем телом. Расстегнула босоножки и мои свободные ноги «выдохнули».

Мысли крутились в голове. Вчера при встрече я почувствовала, что что-то не так. Была близость. Удовольствие от встречи было чуть меньше, чем обычно. Но, может быть, мне показалось... Однако что-то было не так, что именно? Я начала вспоминать все мелочи встречи, как в кадре исследуя каждый уголок. И эти нюансы – один за другим, стали «выпрыгивать» из тайников моей памяти.

Вначале встречи не сказал, как он соскучился. Не посмотрел мне в глаза перед поцелуем с этой прекрасной паузой, которую он умел делать так ловко. Не любовался моим бельём, а он очень любил красивое нижнее белье. А в конце не сказал: «Я не могу от тебя оторваться».

Вот! Вот почему от вчерашней встречи у меня было меньше радости, чем обычно. Эти мысли, как мелкие осколки стекла, пронзали душу. Я ощутила слабость во всем теле, ноги, словно стали ватными, и, если бы я стояла, упала бы.

А парк продолжал жить своей обычной жизнью. Это был один из самых старых уголков города, наполненный шелестом листьев и шепотом воспоминаний, порой столь волнующих. Уютные лавочки ловко прятались в тенистых аллеях, приглашая к себе в самые жаркие дни, когда знойная жара плавил асфальт. Здесь всегда царила прохлада, и горожане, спасаясь от солнца, благодарно прятались под густыми кронами деревьев. Парк был настоящим лабиринтом: множество дорожек и тропинок заплетались между высокими деревьями, некоторые из них открывались лишь самым смелым исследователям, которые впервые ступали на эту землю. С одной стороны, старинный парк соседствовал с новыми современными детскими площадками, которые привлекали целые отряды детей с их родителями, бабушками и дедушками, весело смеющимися и играющими в солнечном свете.

Я сидела на скамейке, подставляя ноги под пробивающиеся сквозь листву жаркие лучи солнца. Вдруг ко мне подседа рыжеволосая девочка лет шести, мурлыча себе под нос какую-то мелодию. Я не смогла разобрать слов, но весёлый ритм звучал так, будто сам парк танцевал под её исполнение.

– Где ваш муж? – неожиданно спросила она, повернув ко мне свое веснушчатое лицо.

– Муж? – от неожиданности переспросила я, не понимая, как именно у нас завязался этот разговор.

– Ну да... Я вас вчера видела с ним в магазине. Вы рассматривали какую-то блестящую цепочку, – пояснила девочка, с детским упорством глядя в мои глаза.

– Надо же! А я тебя не запомнила, – удивленно произнесла я, искренне недоумевая, как маленькая незнакомка смогла запечатлеть этот момент.

– А я была на улице, – ответила она, невозмутимо, словно это было совершенно нормальным делом – наблюдать за чужой жизнью через стекло. —Я видела вас через витрину.

– У вас, наверное, день рождения, и ваш муж выбирал подарок, – предположила она с абсолютной уверенностью. И, не дождавшись моего ответа, продолжила:

– Я тоже, когда вырасту, у меня будет муж. Он будет высокий, красивый, будет улыбаться и дарить мне подарки. Потому что он будет меня любить. И даже если он не будет дарить подарки, я буду его любить, – закончила девочка, многозначительно посмотрев в мою сторону, словно утверждая, что эта простая истина для неё была очевидна, как светило солнце.

В этот момент у меня возникло ощущение, что где-то в невидимой паутине детских грёз и надежд нашёл отражение и мой собственный мир, полный мелодий, света и каких-то неизбывных простых истин.

– Леночка, вот ты где! – раздался голос по ту сторону скамейки.

Девочка, словно легкая пушинка, спрыгнула и побежала на звук.

– Бабушка!

– Ну что ж ты уходишь одна, девочка моя? Я же просила тебя подождать! – с укоризной произнесла бабушка, стоя перед рыжеволосой Леночкой.

– Бабушка, я знаю эту тётю! – прошептала девочка, вытянув руку в мою сторону, словно демонстрируя нечто ценное.

– Прекрасно, – сказала бабушка, недоверчиво уставившись на меня, словно я могла бы чем-то навредить им.

– Пойдем, Леночка, дедушка купил нам мороженое!

– Мороженое! Мороженое! – воскликнула девочка и, весело вприпрыжку, последовала за бабушкой в другую сторону парка, её смех эхом раздавался в воздухе, придавая ему легкость.

Некоторое время я еще оставалась на скамейке, погруженная в свои мысли. Чувство одиночества резко охватило меня, и в многолюдном парке я почувствовала себя ненужной, словно невидимый призрак. Легкий ветерок принес с собой аромат моих любимых духов, которые Виктор подарил мне. Они всегда вызывали приятные воспоминания, но сейчас, к своему ужасу, я ощутила отвращение к этому запаху. Захотелось смыть его с кожи, уничтожить воспоминания, которые они хранили.

С эмоциями, разрывающими меня изнутри, я встала и пошла быстрым шагом к выходу из парка. Ноги болели, и высокие каблуки казались невыносимым бременем. Я не раздумывая сняла босоножки, взяла их в руки и, босиком, устремилась в сторону дома.

Вернулась уставшая и изможденная, как будто после долгого рабочего дня, который никогда не заканчивался. Сбросив вечерний наряд, я погрузилась в ласковую мягкость махрового халата, утешая себя хоть немного.

– Он так и не пришел, не написал, – с горечью подумала я, ощутив, как сердце сжимается от неуверенности и тревоги.

– В понедельник на работу, – промелькнула мысль, – и я все узнаю, что могло случиться с ним. Надежда и страх переплелись в моей душе, создавая лишь неопределенность.

Мне так хотелось спать, однако мысли не оставляли меня в покое. Я ворочалась в постели, словно что-то мешало мне уснуть. Время шло, и под утро, уже далеко за полночь, я наконец уснула.

Но еще предстояло пережить воскресенье. Утром я проснулась без малейшего настроения, словно это был не выходной день, а обычная рутина. Завтрак казался обременительным, и я ограничилась чашкой крепкого кофе. Затем, чтобы отвлечься, принялась за уборку квар-

тиры. Это занятие помогло мне немного развеяться: через два часа кухня и полы стали сверкающими от чистоты.

Неожиданно вспомнила о покупке продуктов. Думая, что без косметики выгляжу не очень, надела солнечные очки, быстро подкрасила губы яркой помадой и выбежала на улицу в шортах и футболке. Остановка ждала, приглашая встретиться с миром за пределами четырех стен. В переполненном транспорте мне пришлось ехать стоя, рядом со мной оказалась пожилая женщина, которая попыталась завести разговор. Ее настойчивость только вывела меня из равновесия, и при первом же уколе ее вопросов я почувствовала себя отстраненной. На меня обрушилась волна злости и усталости.

Сонные отголоски печали терзали меня – мне было тоскливо, хотелось плакать. Однако вскоре автобус остановился у парка. Из него вышло много народу, и давка прекратилась, поэтому я смогла устроиться у окна. Автобус тронулся, и по мере проезда мимо парка мне открылась картина, которую я почему-то осознала словно в первый раз. Я увидела фонтан, где совсем недавно ждала Виктора, но вместо негативных эмоций во мне возникло любопытство. Я рассматривала эту сцену, как будто стала туристом в родном городе.

С каждым новым взглядом стало легче дышать, словно комок, сидевший в горле, наконец-то растворился. Напряжение ушло, и вместе с ним исчезли мрачные мысли. Я вновь ощутила радость бытия и теплоту знакомого места. Как будто мой организм предчувствовал, что медленное продвижение испытываемых мной отрицательных эмоций не приведёт ни к чему хорошему и будет губительным для меня. Поэтому лучше покончить с этим прямо сейчас, не позволяя негативу достичь своей цели.

На лужайке парка, расстелив покрывало, сидел босой парень и что-то усердно записывал в свой блокнот. Вокруг него было много людей, отдыхающих и расслабляющихся, но почему-то мой взгляд зацепился именно на нём. У него была причёска, напоминающая стиль Ричарда Гира, а сидел он — в отличии от остальных — в полном одиночестве. Автобус, наконец, тронулся дальше, и я уже выворачивала голову назад, стремясь запечатлеть этот момент, пока он окончательно не исчез из моего поля зрения.

Мне всегда нравился фильм «Красотка» с Джулией Робертс и Ричардом Гиром. Герой Ричарда, Эдвард, был потрясающим: одновременно трогательным и брутальным, с чувственным взглядом, который казался все понимающим, но временами он был жесток в своих решениях. Часто мне хотелось стать той самой красоткой, что в его руках. Всё потому, что он искренне любил свою Вивиан, и эта влюбленность плавно перешла в любовь – крепкую и одержимую. Я помню, как Эдвард смело взобрался по пожарной лестнице к её окну, чтобы спасти свою возлюбленную.

А что есть у меня? Любовь? Не знаю. Уверенность в этом всё больше ускользает.

Моя остановка. Я вышла из автобуса, и мне захотелось присесть на лавочку. Казалось, что груз мыслей не позволяет мне двигаться дальше – я осталась безмолвной, замороженной потоком воспоминаний и размышлений, не прекращающихся ни на мгновение.

Любовь, похоже, у меня не взаимная, я, неожиданно для себя, сделала этот вывод. Это лишь моя потребность любить его, в то время как у него совсем иные интересы. Я глубоко вздохнула и уставилась вдаль, словно предчувствовала неизбежный конец наших отношений, пытаюсь найти решение, чтобы этого избежать.

В понедельник, шагая на работу, я была полна решимости поговорить с Виктором и выяснить причину, по которой наша встреча в парке не состоялась. По дороге я репетировала свою речь: «Сказать так – нет, лучше вот так». Все слова казались мне то неубедительными, то чересчур прямолинейными и ранящими, то жалобно просящими о сострадании.

На работе я быстро нашла повод, чтобы зайти к директору, не вызывая лишних подозрений. В поисках я наткнулась в ящике стола на какой-то сырой проект, который еще не был готов к показу. Но мне было всё равно: главное – попасть к нему. Секретарь перегородила мне путь:

– Вы по какому вопросу?

– Обсудить новый проект с Виктором Сергеевичем, – протянула я ей свои бумаги, стараясь выглядеть уверенно.

– Давайте я вас запишу. На четверг или пятницу? – спросила она с невозмутимым тоном.

– А сегодня? Я хотела бы сегодня, – растерянно пролепетала я, чувствуя, как сердце бьется быстрее.

– Сегодня его нет, и очевидно, не будет до среды. Он заболел, – произнесла она, уверенно чеканя каждое слово.

– Заболел... Но тогда не записывайте меня пока. Я доработаю этот проект и обращусь позже, – ответила я.

– Хорошо, – сказала она с недоумением, странно взглянув на меня. – Как скажете.

В этот момент я поняла, что время ускользает, а моя решимость находит все новые преграды. Казалось, упущенные возможности были самыми горькими, но я радовалась уважительной причине его не появления на нашем свидании.

В понедельник вечером и на протяжении вторника я с нетерпением ждала сообщения от него. Но мой телефон молчал. Я сама не решалась написать ему, потому что на работе не принято слать сообщения директору. Кроме того, такое личное обращение могло вызвать ненужные подозрения.

Я пыталась успокоить себя разными мыслями: он болен и сейчас лежит дома, рядом с женой, и, в конце концов, может он просто спит. Но чем больше я об этом думала, тем сильнее увеличивалось неудержимое беспокойство внутри меня.

К вечеру вторника терпение иссякло, и я подгоняла время, ожидая консультацию с психологом. Мне хотелось выговориться, невыносимо тягостно было хранить все в себе.

Юля была спокойна и приветлива.

– Рада вас видеть! Как ваш настрой? Готовы к нашей встрече? – спросила она с теплотой в голосе.

– Да, конечно, – в моем ответе звучала некоторая неуверенность, – Я сделала задание, хотя успела поработать лишь с двумя бывшими парнями. С остальными не удалось... Но я готова, готова говорить.

Юлия, заметив мою тревогу, прервала меня:

– Светлана, вы чем-то взволнованы?

Я опустила глаза, словно искала ответы на своем столе, и, выдохнув, произнесла:

– Да...

– Давайте начнем не с заданий, – предложила Юлия, – расскажите, что вас тревожит.

Я сделала глубокий вдох, стараясь найти нужные слова. Затем неожиданно, даже для себя, задала вопрос:

– Скажите, Юлия, у вас есть спальня?

Она удивилась моему вопросу, но, будто ничего необычного в этом не было, с готовностью ответила:

– Спальня? Конечно, есть. Мы все нуждаемся в отдыхе.

– У вас, наверно, там есть двуспальная кровать и пара прикроватных светильников, – с грустью продолжила я.

– А у вас? Что есть в вашей спальне? – поинтересовалась Юлия, искренне улыбаясь.

– У меня нет спальни в том смысле, в каком это понимают большинство, – ответила я с лёгкой искоркой иронии в голосе. – Вернее, она есть, но вместо двуспальной кровати стоит всего лишь диван с журнальным столиком.

Юлия не была из тех, кто бы увлекался самокритикой или унынием.

– Так это же легко исправить! Просто купите себе двуспальную кровать, ту, что вам по душе, – уверенно заметила она, словно это была самая простая вещь на свете.

– А зачем она мне? У меня нет мужа. Того самого, любимого мужа, – уточнила я, стараясь выглядеть непринужденно.

– Но дело не только в муже! Это для вас! Сделать это для себя! – с радостью в голосе заявила она, будто открывая передо мной целый мир. – Кто сказал, что нельзя наслаждаться двуспальной кроватью в одиночестве? Создавая условия для себя, вы не просто действуете – вы делаете шаги к тому, чего хотите! Если хотите любимого мужа – действуйте! Вы начните с покупки двуспальной кровати! – её улыбка была заразительной, и я не смогла сдержать улыбку в ответ.

После небольшой паузы она добавила:

– А какого мужа вы хотите видеть рядом с собой в вашей новой двуспальной кровати?

– Наверное, такого, как Виктор. А точнее – самого Виктора... Но, к сожалению, он женат, – смутилась я, опуская глаза.

– Так вы всё еще надеетесь, что он уйдет из семьи? – спросила Юлия, в её голосе звучала нотка легкой усталости.

– Да, жду. Или, по меньшей мере, ждала. Но теперь я не уверена... А вы, вероятно, осуждаете меня? У вас же есть муж? Наверняка есть. Как вы можете меня понять?

– Главное, чтобы вы понимали себя – свои желания и чувства. Вот для чего мы здесь, – спокойно ответила Юлия, в её голосе не было осуждения, только поддержка.

– Да, конечно. Простите за мою откровенность. Давайте продолжим... Вы знаете, мне хорошо с ним, – произнесла я, чувствуя, как внутри меня ещё теплится надежда на что-то большее. Но я боюсь, что скоро его потеряю.

Юлия, внимательно смотрела на меня, нахмутив брови, как будто пыталась расшифровать мой внутренний мир.

– Есть какие-то предвестники? – спросила она, её голос был словно мягкий свет, пробивающийся сквозь утренний туман.

– Да, – в моём сознании уже вырисовывались сцены, которые тревожили мою душу, – и я рассказала ей о том странном эпизоде в парке.

– Я не буду вас уверять, что всё будет хорошо, потому что не знаю, так это или нет. Но чтобы понять ваши отношения с Виктором и как они изменились, мне нужно знать немного больше о вашей истории. Скажите, как вы с деловых отношений перешли на более близкие? Когда это произошло? – спросила она, её голос излучал неподдельную заботу. – Но, если не хотите, можете не рассказывать.

– Нет, я расскажу. Мне это нужно... Во всём разобраться, – с готовностью заявила я, чувствуя, как слова сами просятся наружу.

– Вы помните, на прошлой консультации я упомянула о совместной с Виктором поездке в Краснодар?

– Да, конечно, помню, – подтвердила Юля, вспомнив, как это обстоятельство разбудило её воображение.

– Так вот, именно с неё всё и началось, – с лёгкой улыбкой произнесла я.

Я вспомнила тот день, когда собралась к назначенному времени, и вдруг осознала, что мы едем на железнодорожный вокзал. Водитель вёз меня одну; волнение нарастало с каждой минутой. Виктор подъехал на другом автомобиле и ждал меня у парковки.

– Приветствую вас, Светлана, – произнёс он, сияя, как начищенный самовар. – Давайте ваш чемодан. О, я вижу, вы истинная женщина! Даже на два дня чемодан полон, – с лёгкой иронией прокомментировал он, словно взвешивая мою поклажу.

– Только самое необходимое, – ответила я, улыбаясь от столь неожиданного комплимента. Мы поднялись в СВ вагон, и это оказалось полной неожиданностью для меня. До этого момента у меня не было ни малейшего представления о том, на чём и как мы поедем.

– Представляете, вагон на двоих. Я с женатым мужчиной. И к тому же он – мой начальник. И да, он мне очень нравится, – признавшись сама себе, я поняла, что это не просто поездка. Это было начало чего-то, возможно, судьбоносного, и я не могла удержаться от волнения.

– Да, пикантная ситуация, – поддержала меня Юлия, словно подставляя мне плечо.

– Она стала ещё интереснее, когда проводница, проверяя наши билеты, обратилась к нам с улыбкой и сообщила:

– К месту назначения прибываем завтра в 15:30. Поезд идёт строго по расписанию, без опозданий. Вам чай или кофе? – спросила она, поглаживая свой служебный фартук.

Виктор, не раздумывая, заказал два кофе. Проводница исчезла за дверью, но я осталась стоять, как вкопанная, охваченная недоумением и лёгким страхом. Мы же с Виктором проведём вместе в этом купе больше суток. Как это обстоятельство могло вообще произойти?

Когда кофе, наконец, появилось на столе, проводница кокетливо окинула нас взглядом и с лёгкой усмешкой произнесла:

– Приятной дороги.

С этими словами она исчезла, оставив нас наедине.

– Ну что ж, предлагаю перекусить, – произнёс Виктор, вытаскивая из дорожной сумки неожиданный антураж: бутерброды, фрукты, сочную клубнику и шоколад. – А вот и вино! Давайте выпьем на брудершафт. Пора нам познакомиться поближе. Не против?

– Нет, я – за, – тихо ответила я, ощущая, как меня захлестывает волнение.

– Ничто так не сближает людей, как беседа за стаканом отличного вина, – с блеском в глазах произнёс он, открывая бутылку и наполняя пластиковые стаканчики. – Простите, что не в бокалы, но, так сказать, по-дорожному, – добавил он, с улыбкой протянув мне стакан.

– Давайте выпьем на брудершафт и перейдём на «ты». Я предлагаю, когда мы наедине, звать меня Виктором. А тебя?

– Светой, – пробормотала я, смутившись от такой фамильярности.

Виктор аккуратно завёл свою руку за мою, заставляя сердце биться в унисон с волнением.

– Пьём до дна, и целуемся, – произнёс он, наклоняясь ко мне. Наши губы встретились в длинном, жадном поцелуе, полном страсти и неги. Этот поцелуй не оставил ни малейшего сомнения в его намерениях.

После поцелуя Виктор облизал губы, словно понимая, что только что испытал нечто чувственное и незабываемое. Мои щеки горели, жгучее тепло наполнило меня.

– Итак, Света, расскажи-ка мне о себе. Ты замужем? Была замужем? Или есть кто-то сейчас в твоей жизни? – с любопытством спросил Виктор, уткнувшись в меня своим пронзительным взглядом.

– Нет, не замужем, – ответила я, избегая его взгляда. – Жила с мужчиной, но сейчас ни с кем не встречаюсь.

– Как это странно! – удивился Виктор, – Не смогла найти достойного? Или просто не пришло время?

– Наверное, так и есть, – вздохнула я.

Виктор запнулся, словно размышляя, задавать вопросы о личной жизни или не продолжать эту тему.

– Не смущайся, – наконец сказал он с улыбкой. – Я не собираюсь из тебя вытягивать все тайны. Лучше расскажи, к какому направлению в искусстве и архитектуре ты тяготеешь?

– Знаете, ой, знаешь, – поправила я себя, – когда я училась, меня сильно увлекали работы Джотто. Его архитектура, скульптуры и живопись были для меня настоящим открытием.

– О! У тебя отменный вкус! Этот парень – символ итальянского Ренессанса! – восторженно произнёс Виктор, словно находя в моей личности отражение своей страсти.

– Да, именно! Эпоха Возрождения! Джотто считается первой крупной фигурой в этом движении, и его влияние просто неоценимо, – продолжила я, ощущая, как меня захватывает тема.

– Ах, как я люблю Италию! – проговорил Виктор, его глаза сияли, как в детстве у ребёнка, мечтающего о приключениях. – Я бывал там дважды. Что же тебя пленило в итальянском Ренессансе?

– Меня завораживают его фрески. Они простые, но в то же время эмоционально насыщенные, возвращающие нас к античности. К тому же в эту эпоху создавались первые светские произведения искусства. А фрески Джотто – это удивительный мост между прошлым и нашим временем, – произнесла я, улыбаясь при воспоминании о своих любимых студенческих работах.

– Ты действительно интересная девушка! – восхищённо произнёс он. – Давай выпьем ещё по бокалу. – Виктор налил вино в стакан и, взглянув на меня, добавил: – И не забудь про бутерброды, мы должны поесть.

После его слов тревога покинула меня, и я с настоящим аппетитом принялась за еду. Виктор, оживший от темы нашего разговора, рассказывал анекдоты, так что мы вскоре разразились искренним смехом.

– Так, кажется, нам действительно повезло! – воскликнул он, поднимая свой стакан, наполненный вином. – Давай допьем это, у меня есть тост.

– И какой же у тебя тост? – спросила я, наклонившись ближе.

– Я бы хотел, чтобы мы с тобой подружись, – с искренностью произнёс он, и в его глазах сверкала надежда.

С этими словами возникла искра, что-то необычное и притягательное, и я почувствовала, что эта поездка обещает быть чем-то больше, чем просто командировкой.

Как только вино исчезло в наших стаканах, Виктор взял спелую клубнику, медленно поднёс её ко мне и, не отрывая взгляда, вложил ягоду в рот. Затем, не теряя времени, он припик губами к клубнике и откусил половину, оставив вторую половину мне в наслаждение. Сладость и свежесть ягоды наполнили мой рот. Он снова взял клубнику и повторил этот флирт, подмигнув мне с игривой улыбкой.

– Теперь твоя очередь, – произнес он, облизывая губы, будто заставляя меня почувствовать его нетерпение.

Я взяла ягоду, нежно вложила её ему в рот и замерла в ожидании, не решаясь поцеловать и откусить половину клубники. Между нами витала искра, которая мгновенно разрасталась в пламя. Он притянул меня за шею, наши губы встретились, и я почувствовала, как он откусывает кусочек ягоды, чтобы разделить со мной этот сладкий момент. Кусочки клубники перепрыгивали между нашими ртами, пока мы не уничтожили их, и у меня закружилась голова от его ласк и нежности.

Вино окончательно сняло с нас напряжение, и поцелуи становились всё более страстными, нежно скользя по губам, шее.

– Я хочу тебя, – прошептал он мне на ушко, и я не смогла сопротивляться этому потоку желания, разливавшемуся внутри.

Внезапно он оторвался, чтобы закрыть дверь и снять рубашку, и в этот момент моё тело стало требовать его ласки и поцелуев ещё сильнее. Он медленно раздевал меня, восхищаясь строгими линиями моего тела, которое уже горело от желания. Каждый его вздох и прикосновение создавали волнение, заставляя меня забыть обо всем вокруг. Мягкие солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь шторы, окутывали нас теплым светом, создавая атмосферу интимности и уюта.

Я ощущала, как его руки скользят по моим плечам, по спине, и его ладони, словно были наэлектризованы, оставляли за собой следы нежности и трепета. Мы смотрели друг на друга,

как будто всматриваясь в душу, и в этом взгляде прятались все слова, которые мы не успели произнести.

Он осторожно приподнял меня, как будто я была хрупким созданием, и перенес на мягкий диванчик. Я почувствовала невероятный комок эмоций: счастье, волнение, ожидание. Когда он обнял меня, наши тела слились воедино. Я была поражена тем, как близки мы стали за такое короткое время, как тонко мы могли чувствовать друг друга.

Любое его прикосновение вызывало у меня дрожь и поднимало волну удовольствия. Губами он изучал каждую клеточку моего тела, как художник, созидая шедевр. Я брала на себя инициативу, проводя ладонью по его мускулистой спине, ощущая силу и уверенность под его кожей. Запах его обжигающего аромата уносил меня в мир бесконечного наслаждения...

– Знаете, заниматься любовью в поезде – особая романтика. Со мною тогда это было впервые. Но за годы наших с ним встреч мы еще дважды проделывали это в поезде – рассмеялась я.

Их разговор продолжался, и глубина его казалась бесконечной, словно они шагнули в мир, где можно говорить свободно, без страхов и предрассудков. Юлия, как опытный навигатор в сложных водах человеческой души, вела Светлану по пути понимания себя.

– Вы осуждаете меня? – спросила я, закончив рассказ, в моем голосе чувствовалась нотка уязвимости.

– Нет, вы просто вели себя, как обычные любовники, – с лёгкой улыбкой ответила Юлия, её глаза искрились игривым светом.

– С вами так легко общаться, – выдохнула я с облегчением, не сдерживая улыбки. – Спасибо вам.

– Я рада, что вам стало легче. До следующей встречи? – с деликатным интересом спросила Юлия, её голос напоминал тихий звон колокольчиков.

– Да, да, – подтверждая с энтузиазмом ответила я, – А задания будут прежние?

– Да, я думаю, вам есть над чем поработать, – ответила она, и в этот момент экран планшета погас. Я почувствовала облегчение, как будто только что пробудилась от сладкого, продолжительного сна.

В то время как в моей голове все, казалось, было расставлено по местам, страсти улеглись и сомнения исчезли, у Виктора все кипело и бушевало. Он искал возможные решения в сложившихся обстоятельствах. Его тесть, совершенно не согласовывая с ним свои намерения, выхлопотал для Виктора повышение в Москве.

Он торжественно объявил об этом за обеденным столом, с гордостью человека, выигравшего бой, в окружении жены и дочери, уверенный, что вся семья будет рада. Восторг переполнял всех за исключением Виктора, который сидел, как замороженный, втянув голову в воротник, и молчал с самого начала разговора. Его жена, напротив, сияла от счастья, предвкушая переезд в город своего детства, где жили её родители. Тесть уже расписывал новый коллектив, которым должен был руководить Виктор, но тот оставался в неподвижности, как будто весь мир вокруг него потерял смысл. На фоне общего оживления членов семьи его продолжительное молчание выглядело как-то странно, почти тревожно. Казалось, он был в своём собственном мире, где все привычные понятия вдруг размылись, и на их месте возникли новые, далекие от ожиданий.

– Ты чего? – первой заметила перемены Лена, его жена, с беспокойством в голосе.

– Плохо себя чувствую. Голова опять раскалывается. Можно я прилягу? – тихо произнес Виктор, стараясь сдержать кашель в груди, и, не дождавшись ответа, медленно шагнул в спальню. Он слышал, как Лена начинает объяснять что-то своим родителям, но ему было всё равно. Весь мир для него сжался до мысли о неизбежном переезде. Больше всего его терзало осознание, что ему придется расстаться со Светой. Он успел привязаться к ней, она стала

важной частью его жизни – частью, которая приносила радость и удовлетворение. До этого момента их отношения были направлены в будущее, а теперь...

От переживаний его внезапно потянуло покурить, хотя он уже давно бросил. Вспомнив о зачанке в кармане пиджака, достал начатую пачку сигарет, которую держал для своего курящего партнера по бизнесу. Ему хотелось сделать хотя бы одну затяжку, чтобы облегчить внутреннее состояние.

– Ты куришь?! – раздался голос Лены, в интонации которой звучала смесь удивления и тревоги. Виктор вздрогнул, чуть не выронил сигарету.

– Да, захотелось, – признался он, стараясь скрыть свою неуверенность, и повернулся к жене, чувствуя, что выглядит, мягко говоря, не лучшим образом. Лицо у него побледнело, как будто все краски жизни выцвели.

– Ты плохо выглядишь. Ложись, тебе действительно надо поспать. Может, таблетку от головы? – Лена смотрела на него с отчаянием и нежностью, не в силах скрыть тревогу.

– Нет, не нужно. Я просто лягу. Действительно болею. Перед родителями, пожалуйста, извинись. – Виктор покашлял, стараясь сделать свой тон менее беспокойным.

Удобно устроившись в постели, он задремал и вскоре забылся. В полусне ему не давали покоя расплывающиеся образы: он видел Свету, её тонкий силуэт словно танцевал на грани сознания, а вокруг звучал гул колес, кто-то кричал: «Надо ехать!» В конечном итоге эти слова разбились о стены комнаты, и Виктор проснулся, весь в поту.

– У тебя жар, – обеспокоенно произнесла Лена, держа в руках градусник, её заботливый взгляд придавал ему сил. Она ухаживала за ним, и в этом было что-то необычное – несмотря на все тревоги, он чувствовал себя защищённым.

Какой же милой она была в эти моменты, словно прожитые годы испарились, как дым, и они чудом угодили в тот момент, когда только-только познакомились. Такая нежная, кроткая, с длинными распущенными каштанового цвета волосами и участливым карим взглядом Лена напоминала ту милую девочку, в которую он когда-то влюбился.

– Ленка, спасибо тебе, – прошептал Виктор, когда она наклонилась над его кроватью, чтобы поправить одеяло. Она улыбнулась в ответ и мягкой ладонью провела по его вспотевшей голове.

Лекарства и постельный режим делали своё дело, и с каждым днём ему становилось легче. Виктор даже нахваливал эту временную идиллию: ни одного звонка с работы, ведь жена четко проинструктировала секретаря, и сама отвечала на все рабочие звонки. Но радость потихоньку угасала, когда его мысли вновь возвращались к Светлане.

Он не мог не думать о ней. Неохотно признаваясь себе, что скучает по Светлане, Виктор понимал, что его жизнь в Москве без её присутствия будет пустой и однообразной. Он не понимал, чем зацепила его Светлана. И сейчас лежа в постели больным, у него вдруг появилось время с этим разобраться. Виктор подумал, что пойми он это сейчас, будет легче разорвать отношения потом, когда он переедет в другой город.

Итак, чем же она его зацепила? Размышляя, он начал анализировать и сравнивать Свету с женой. «Хочешь знать, чем они отличаются?» – спросил он себя, и в этот самый момент, как ни странно, уже нашёл ответ.

Возможно, красотой? Но его жена тоже была красивой. И всё же Света умела себя подать: всегда ухоженная, подтянутая, стиль одежды аккуратно сбалансирован между элегантностью и едва заметной сексуальностью. Каждый момент близости с ней был не просто актом, но настоящим переживанием, вдохновением, обращающим физическую связь в нечто высшее, эстетическое.

Виктор гордился своей умной и образованной женой, её интеллектуальной мощью и проницаемостью. Но и Светлана не была простушкой: её профессионализм и ум вызывали у

него искреннее восхищение. Да, у нее не было в детстве того образования, которое посчастливилось иметь его супруге. Но тут уж, как говорится, кто в какой семье родился.

Светлана никогда не была скандалисткой, не создавала сложности в отношениях, не пыталась казаться умнее Виктора или его жены и не чувствовала необходимости что-то кому-то доказывать. Её обаяние заключалось в том, что она сама по себе была источником радости для него. В жене же этого явно не хватало. Лена была отличной хозяйкой и заботливой матерью, но не умела искренне веселиться и радоваться, словно она уже знала наперёд, что жизнь не обещает ей ничего нового. Вместо искрящихся эмоций в её характере был лишь деловой подход ко всему, пронизанный меркантильными интересами.

Когда-то Виктор мечтал о том, чтобы проводить вечера в компании жены. Он с улыбкой возвращался с работы, радуясь предстоящему ужину вместе, а в интимную атмосферу спальни приносил свет и тепло, родные и яркие ощущения. Всё изменилось в тот момент, когда жена заговорила о детях. Виктор относился к этой идее с неприятной настороженностью. Хотя он любил детей и всегда хотел иметь их, в его представлениях о родительстве отсутствовало это холодное и расчётливое слово «завести». В памяти всплывали слова бабушки, говорившей, что дети – это от Бога. Но тогда, когда концепция «завести детей» превратилась в безличный план, он стал испытывать и к этому словосочетанию, и к процессу глубокое отвращение. Здесь уже не было места для чувств и промысла божьего. Вот когда он охладел к жене.

Под давлением возникшего плана жена не могла дарить ему ту нежность и трогательность, которых он так отчаянно ждал. Вместо этого пыталась восполнить эту пустоту делами, которые для Виктора казались незначительными. А вот Света, обладая тонким чутьём и интуицией, смогла предложить ему то, что действительно было нужно. Ей не приходилось прилагать усилия, чтобы удерживать его рядом – он сам, словно мотылёк на свет, летел к ней, искал её компанию в своей упорядоченной жизни, стремясь к той искренней радости, которую она могла ему дать.

Жена же, напротив, продолжала настойчиво предлагать свои идеи, и это немного напоминало надоедливый маркетинг, который со временем утомлял Виктора и заставлял его поддаваться, лишь бы избавиться от её настоятельных просьб.

Светлана привлекала его благодаря радостным ассоциациям и положительным чувствам, которые она вызывала. С ней он вновь ощущал себя настоящим мужчиной, принимающим решения и руководящим ситуацией. Как можно было отказаться от этой лёгкости, от этой искренней радости и удовольствия, которые она приносила в его жизнь? Ответа на этот вопрос у Виктора не было.

Внутри своей семьи он чувствовал себя продуктом вторичного производства, полностью зависимым от первичного – своей жены и её высокоуважаемых родителей, от их решений и взглядов на жизнь. Эта мысль причиняла ему дискомфорт, но он быстро свыкся с ней, поместив её в сейф под ключ, вместе с другими страхами и усталостью, образовавшимися в результате пополнения семейного капитала. Этот внутренний сейф, подобно надежному сторожу, не позволял его подавленному состоянию выйти наружу.

Из некогда простого и находчивого парня Виктор постепенно превратился в мудрого руководителя солидной фирмы и отца состоятельного семейства. Он адаптировался к своему новому положению, перешёл в режим плавной настройки на нужды окружающих. Привык, что за него здесь все решают, лучше знают, как должна развиваться его карьера и семья. И все чаще сомнения, что так нельзя жить, отходили в сторону, уступая дорогу уверенности, подкрепленной логическими заключениями, что так надо, что так будет лучше. Последнее время Виктор часто примерял точку зрения тестя в отношении понимания жизни. И временами ему казалось, что это он так думает, что это его интересы и его потребности. И только при встрече с Светланой объективировались в прекрасном его эстетические переживания, жизнь потекла полноводной рекой.

Но, увы, эта река, полноводная и яркая, похоже, скоро иссякнет. Принять эту мысль было нелегко для Виктора. Она ставила под сомнение всю его жизнь, выступая перед ним в виде чего-то неизбежного и результативного. Он не мог представить себе другую реальность, у которой не было бы тех привилегий, что так прочно вошли в его повседневность.

«Стоило ли все это терпеть так долго лишь для того, чтобы в один миг отказаться от всего?» – пронеслось в его сознании. В голове всплыли образы Светланы, её улыбка, её способность приносить свет в его будни. Виктор решил, что нужно поговорить со Светой. Возможно, она согласится приехать к нему, когда всё уляжется, когда он сам разберется в своих чувствах и мыслях... а может, в Москве ему встретится другая женщина, похожая на Свету, которая сможет подарить ему радость.

И, хотя логически он понимал, что это бред, внутренние ощущения отрицания, происходящего постепенно отступали. В ту ночь Виктор уснул глубоким, умиротворённым сном, впервые за долгое время оставив все тревоги за пределами своего сознания.

ГЛАВА 3

Я с тоской смотрела в окно, где тёмные облака на небе отражали моё внутреннее состояние. На календаре уже был четверг, и ощущение безысходности только усиливалось. С утра зашла к секретарю, чтобы узнать о здоровье начальника, и, как в худшем сценарии, услышала, что тот всё ещё болеет. В офисе витала напряжённая тишина, как будто все сотрудники, словно отголоски моего душевного состояния, погрузились в своё молчание. Возможно, мне это только казалось, возможно, мои собственные чувства и мысли искажали восприятие окружающего мира. Работа с документами текла вяло, но впереди маячил обед – единственный лучик надежды, который на миг успокаивал меня.

Я пыталась отогнать от себя мысли о Викторе, хотя понимала, что это почти невозможно. Объективно, наши отношения оставались без изменений. По крайней мере, пока не произнесены были ни слова прощания, и я упорно надеялась, что не произнесутся никогда. Внутри у меня нарастало беспокойство, как будто ветер поднимал песчинки на пустынном берегу. Ранее многообещающие перспективы, которые ощущала в начале нашего романа, теперь рассеялись, словно дым.

Я мысленно молила судьбу проявить милосердие и не вносить в мою жизнь новых неожиданных поворотов, но эти повороты сами собой напрашивались, как непрошенные гости. После последней встречи с психологом я остро осознала: чего же действительно ждала от наших отношений. Всё, что можно было получить от женатого мужчины, уже испытала. Он никогда не разведётся, не оставит свою семью. Тогда какую роль я играю в этом треугольнике?

Я всегда была ориентирована на него. Мои собственные желания и потребности отодвигались на второй план, словно незначительные детали в большом полотне. Я следовала желаниям Виктора, его доводам, старалась сделать так, чтобы ему было комфортно и приятно. Сначала это приносило радость, но сейчас я понимаю: у наших отношений нет никакого развития. Невозможно год за годом оставаться на одном месте, топтаться в одной и той же яме. Я устала.

Взглянув на своё отражение в окне, поняла, что пора что-то менять. В моем сердце зарождались новые идеи, и, возможно, следовало дать себе шанс на другое, более светлое будущее.

«Я больше не хочу приспособливаться и жить в ограничениях – когда я не могу позвонить, написать СМС, поцеловать его в тот момент, когда меня переполняет желание. На душе стало так тяжело, и я понимаю: что-то должно измениться. Я обязательно с ним поговорю, когда он выздоровеет. Я просто обязана это сделать».

В столовой царил суматоха. Почти все сотрудники огромной компании стремительно заполнили свои столики тарелками с разными блюдами. Вкус еды здесь оставлял желать лучшего, но в целом было вполне сносно. Салаты и выпечка, пожалуй, были единственными

яркими моментами этого скучного обеда. Я, как обычно, выбрала свой стандартный набор: салат из свежей капусты и пирожок с луком и яйцом, завершая трапезу компотом из сухофруктов.

За соседним столом оживленно беседовали сотрудницы отдела кадров. Их разговор, наполненный легким шепотом и смехом, просочился в моё сознание, когда я пыталась сосредоточиться на своих мыслях. Сквозь шум уловила отдельные фразы.

– Да я тебе говорю, что скоро у нас будет новый директор, – уверяла одна из них, явно предвосхищая важные перемены.

– С чего ты взяла? А этого понизят или повысят? – интересовалась другая, полная недоумения.

– Я слышала, что он уедет в Москву очень скоро. Источник надежный, он знает его тестя, – тихо добавила третья, бросая на подруг искоса значимые взгляды.

– Надо же! Вот ведь, умеют люди приспособливаться! И всё то у них схвачено! – заключила первая, и в её голосе звучало завистливое восхищение.

Я вдруг почувствовала, как меня охватывает тревога. «Москва, тесть, начальник... Точно! Они говорят о Викторе! Как так? Он уедет... он уедет от меня...» Мгновенно все доводы и рассуждения, которые казались мне столь весомыми ранее, потеряли силу. Мою душу захлестнули чувства, которые только что пыталась подавить. Я погрузилась в этот эмоциональный водоворот, не в силах представить, как буду жить без него. Теплота и нежность к Виктору охватили меня, словно мягкое одеяло, заставив вспомнить каждое мгновение, которое провела с ним. В сердце зарождалось смятение, и я понимала: этот разговор должен состояться, даже если предстоит столкнуться с самой трудной правдой.

Рабочий день медленно подходил к завершению, но мысли о Викторе не покидали меня, словно усталость сама по себе не представляла для них преграды. Вдруг раздался звонок от мамы, которая с болью в голосе рассказала, что упала и сильно ушибла колено. К тому же она поделилась своими переживаниями: отношения с Дашей, моей младшей сестрой, совсем испортились – та отключила телефон и игнорировала её. Я, полная сострадания, пообещала маме связаться с Дашей и попытаться уладить семейные недоразумения.

Поинтересовалась, какие мази и лекарства у мамы есть для лечения ушиба, и пообещала отправить ей по почте мазь, которая действительно хорошо помогает. Таким образом, к тревогам о Викторе добавились и переживания о здоровье мамы.

День явно не заладился. Я, словно потерянная между мирами, в поисках коробки для посылки обежала три почты: то не оказалось подходящих коробок, то не было штрих-кодов, а в очереди стояли люди, как будто они ждали чего-то гораздо более ценного, чем товары почтового отделения. Наконец, мне удалось найти коробку, но радость была недолгой. Вернувшись домой, поужинала, упаковала подарок маме, который уже ждал своего часа. Мазь приобрела по пути, но, к сожалению, отправить посылку не удалось. Перед закрытием, когда в почтовом отделении скопилось особенно много народу, оператор, усталая и резкая, огласила: «Больше не занимать!»

После дня, полного беготни и очередей, я почувствовала, что мои силы на исходе. Упала на диван, задрала ноги на подушку, и позвонила маме, чтобы рассказать о ситуации с посылкой, узнать о её здоровье и пожелать спокойной ночи. На душе стало легче; тревога немного утихла, и я обрадовалась тому, что маме стало лучше.

Затем я решила позвонить Даше, но телефон сестры был недоступен. «Вот что вытворяет! Как же это на неё не похоже», – подумала я с лёгким огорчением.

«Ладно», – сдалась я. «Надо принять душ и лечь спать». В голове всё ещё крутились мысли о Викторе, о семье и о том, как важно иметь связь с теми, кто близок. Но сейчас, в объятиях усталости и звуков вечернего города, мне казалось, что на некоторое время можно просто отдохнуть.

Я уже устроилась на диване, когда раздался звонок телефона. Это был номер Даши, но вместо её теплого голоса я услышала мужской тембр – это звонил Игорь, её парень. Он решил «прояснить ситуацию» относительно отношений с сестрой.

– Почему Даша сама не отвечает? Ей что, запрещено? – осведомилась я, пытаюсь сдержать раздражение.

– Относительно мамы – запрещено. А с вами, со всеми остальными родственниками, я ещё подумаю, – произнес он с наглостью, прерывая тишину нашего общения.

Смирившись с его высокомерием, я отказалась обсуждать с ним что-либо. Потребовала поговорить с сестрой. Игорь отключил телефон, не попрощавшись. Это было словно щелчок двери на замок, который прервал мой последний шанс на прямое общение с Дашей. Я поняла, что она находится под сильным влиянием. Он манипулирует ею, и она, похоже, ему покоряется. В конце концов, она взрослая женщина, и это её жизнь, её судьба, её уроки.

Я пыталась уснуть, но мысли о ситуации с Дашей не отпускали. Вдруг снова прозвучал звонок. Это был её номер. Сердце забилося тревожно, и я уже была готова выругаться в трубку, когда, наконец, услышала её голос. Разговор оставил неприятный осадок, как горьковатый привкус в напитке. Даша жаловалась на мать, упрекнув меня в том, что мне легко – я уехала из родительского дома в семнадцать лет. А ей пришлось оставаться с мамой. Исчерпав все свои обиды, она добавила, что зарабатывает недостаточно, чтобы помогать маме.

Мы говорили почти сорок минут. Я старалась донести до неё мысль, что нельзя так поступать с матерью, нельзя рвать отношения и забывать о близких. Она пообещала попытаться помириться с мамой, только если та будет нормально с ней разговаривать. Я же настаивала на том, чтобы она не ставила условий. Не уверена, что Даша меня поняла, или хотя бы услышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.